

Я снова посмотрела на часы. Была уже половина десятого. Свекровь сказала, что Михаил приедет от восьми до девяти, а сейчас уже девять тридцать...

Мне было беспокойно, и не оставляло неприятное чувство, что кто-то смотрит в спину. Однако, сколько я ни оборачивалась, мне не удавалось перехватить ничей взгляд.

Мимо меня третий раз прошел сутулый мужичок с бегающими глазами, то и дело выглядывающими из-под надвинутой на лоб кепки. Заметив мой затравленный взгляд, он отвернулся и отошел в сторону.

Я следила за ним из-под опущенных ресниц. Он немного выждал, подошел к дремлющей на скамье тетке и покатил стоящий рядом с ней чемодан.

Слава богу, это обычный вокзальный воришка, а не то, чего я так боялась!

Я хотела уже разбудить тетку, но она сама проснулась, вскочила и кинулась вслед за вором, злобно крича:

— А ну стой, ворюга! Отдай чемодан! Отдай, тебе говорят! Отдай! Держите вора!

Воришка бросил чемодан, нырнул в толпу, которая вытекала на перрон из прибывшего поезда, и бесследно исчез.

Тетка схватила свой чемодан, погрозила вслед вору кулаком и вернулась на прежнее место.

А я снова взглянула на часы.

Девять сорок пять.

Да что же это такое... велели мне ни в коем случае не опаздывать, говорили, насколько все серьезно, а сам...

Я снова — который уже раз — огляделась.

На вокзале царила обычная вокзальная суета, люди спешили на посадку, другие выходили в город. Таксисты-частники ловили клиентов. Один из этих таксистов показался мне подозрительным — он только ходил взад-вперед по перрону, не подходя ни к кому из пассажиров, не предлагая свои услуги...

Но тут среди толпы прибывших появился самоуверенный господин в кашемировом пальто, без чемодана, с одним только дорогим винтажным портфельчиком в руке. В толпе суетливых, озабоченных пассажиров он выглядел как акула среди стаи рыб-прилипал.

И тут подозрительный таксист оживился, бросился через толпу к кашемировому господину, деликатно подхватил его под локоток и что-то заискивающе залопотал.

Все понятно, он ждал крупную рыбу, не желая размениваться на вокзальную мелюзгу...

Я снова взглянула на часы.

Десять ноль две.

И снова я почувствовала спиной пристальный, неотступный взгляд...

Нет, больше ждать невозможно!

И все-таки я снова посмотрела на часы. Все сроки прошли. Свекровь сказала, что Михаил будет ждать меня у поезда, но поезд давно ушел. Михаила в нем не было, он не мог пройти мимо меня, он знал, что я его жду.

Что-то случилось. Его что-то задержало. Я вытащила телефон, хоть свекровь и велела мне не звонить мужу. Чужой голос ответил, что телефон выключен или абонент находится вне доступа сети. Ну ясно, ему она тоже велела выключить телефон.

Я перехватила внимательный взгляд мужчины в грязноватой куртке. С виду самый настоящий бомж, каких полно на вокзале, а взгляд слишком цепкий. Он почувствовал, видно, мое настроение, надвинул поглубже кепку и отвернулся. Но, что характерно, не ушел. Значит, пора уходить мне, а то поздно будет.

Я подхватила нетяжелую сумку, еще раз обвела взглядом зал ожидания и пошла к выходу, стараясь не торопиться. Бегущий человек вызывает подозрения, говорила свекровь, хотя на вокзале многие бегут, такое уж место.

Скользнув взглядом по витрине небольшого магазинчика, где продавались напитки, чипсы, батончики и тому подобные мелочи, я увидела, что тот тип в грязной куртке звонит кому-то по теле-

фону. Даже отсюда было видно, что мобильник дорогой. Ага, у бомжа-то...

Сердце у меня замерло. Неужели это они...

Только не паниковать. И не бежать сломя голову. Я остановилась, как будто что-то вспомнив, и свернула в боковой коридорчик, который вел к туалетам. В женском туалете копошилась уборщица — нестарая тетка в синем платке, повязанном кверху концами, так что получались как бы кокетливые рожки.

— Закрето! — злорадно крикнула она. — Закрето на уборку!

Я молча вытасила тысячную купюру и помахала ею в воздухе.

— Ладно, — буркнула она, — заходи уж...

И протянула руку, но я спрятала купюру в карман.

— Мне не туда, мне наружу выйти незаметно.

— Чего? — Тетка постепенно набирала обороты. — Наружу? А может, ты воровка, сперла чего, а я тебя покрывать стану? Да я сейчас полицию крикну, у меня тут все знакомые!

Я молча развернулась и пошла прочь. Но не сделала и двух шагов, как тетка деловито сказала мне в спину:

— Не тыща, а три!

— Две! — Я достала две купюры. — Две — или я ухожу! Другой выход найду, ты не одна тут такая...

— Ладно. — Тетка подошла ближе и потянула меня в темный конец коридорчика, где открыла небольшую дверцу. Она выходила во двор, за-

валенный всяким мусором — ржавыми железяками непонятого назначения, ломаными ящиками, раскисшими картонными коробками. Я с трудом пролезла мимо этих куч и нашла в заборе калитку, вышла на улицу и побежала к дому.

Город у нас не то чтобы большой, но и не совсем маленький. Из общественного транспорта ходят только автобусы. Но я живу в нем с самого детства, поэтому знаю все ходы и выходы, так что всегда могу срезать где надо.

Через полчаса я добежала до дома и остановилась, чтобы унять сбившееся дыхание. Вообще-то бегать я люблю, у меня это хорошо получается, в школе даже призы какие-то брала, но сейчас я сильно нервничала, к тому же нужно было оглядеться.

Улица у нас тихая, дома на ней новые, стоят вплотную друг к другу, и у каждого сзади есть собственный садик. Это очень удобно для Оськи.

Оська — это собака, ему полтора года, в доме мы живем вчетвером: я, муж, свекровь и Оська.

Точнее, я бы поставила Оську после мужа, перед свекровью, но вслух об этом не говорю, сами понимаете почему.

Итак, я внимательно огляделась и не обнаружила возле дома ни незнакомых машин, ни людей. Мишина машина рядом была, моя в гараже, свекровь не водит, кто-то из нас обычно подвозит ее на работу, потому что работаем мы все в одной фирме. До сегодняшнего дня, во всяком случае, так было. Машины свекровь велела не брать, по ним нас сразу бы нашли, тут я была с ней согласна.

Очень тихо я поднялась по ступенькам и открыла входную дверь своим ключом. В холле горел свет, но никого не было.

— Валентина Павловна! — позвала я, отчего-то мне стало страшно.

— Валентина Павловна! — крикнула я громче.

— Чего кричишь? — На пороге своей комнаты появилась свекровь с телефоном в руке. — Чего шумишь попусту?

— Его не было!

— Кого еще? — процедила свекровь в своей обычной манере.

Она — женщина суровая, неласковая, даже для собственного сына не находится у нее доброго слова, что уж про меня говорить. Но я привыкла не обращать на это внимания и держать себя в руках. Только не сегодня.

— Вы что, не слышали? — заговорила я на повышенных тонах. — Михаила не было на вокзале, я прождала его больше часа, он не пришел. С ним что-то случилось!

Свекровь спокойно убрала телефон в карман халата. У нее странная любовь к теплым плюшевым халатам: штук пять в шкафу висит, она ходит в них все время, в любое время года, дай волю — так и на работу бы их надевала.

— Не ори, — сказала она. — Успокойся.

И тут по ее голосу я все поняла. Не была бы она так спокойна, если бы узнала, что ее сын пропал. Потому что хоть и не проявляла она свою любовь ласковыми словами и подарками, но я знала, что сына она любит. Если бы не любила, то ко мне бы

иначе относилась. Я знаю, что свекровь меня терпеть не может, но сейчас это неважно.

— Вы нарочно сказали мне не то время! — закричала я. — Чтобы он меня не дождался и уехал без меня!

Она издала какой-то звук, отчего у меня в голове будто взорвалась молния. Неужели... неужели муж с ней сговорился и они обтяпали это все вдвоем? Не может быть, я не верю...

Очень медленно я повернулась и посмотрела на свекровь.

И все поняла. Ну да, она задумала это, а муж с ней согласился. Она, как всегда, убедила его, что она права и так будет лучше для всех. Для всех — это значит для них двоих. Но не для меня.

Свекровь тоже все поняла по моему лицу, она всегда говорила, что у меня все на лице написано. И теперь она не стала запираться и врать, да я бы все равно не поверила.

— А ты что думала? — спросила она вроде бы тихо, но было такое впечатление, что она орет. — Ты что себе воображала? Что я пожертвую собственным сыном ради тебя?

— Да почему ради меня?

— Да потому что мне на тебя плевать! — Теперь она уже орала в полный голос, не сдерживаясь. — А он — мой сын. Кровиночка. Больше у меня никого нету! А как вы бежать собирались? На поезде? Да вас на вокзале караулили! Парочка такая приметная — мужик здоровый и баба рыжая! Любой дурак узнает!

— И куда же вы его отослали? — угрюмо спросила я.

— Не твое дело! — рявкнула она. — Сейчас все тебе скажу! Не для того я... — Глаза у нее нехорошо блеснули, и я тотчас заподозрила, что на этом деле не кончится, что эта сволочь свекровь еще что-то задумала.

— Где Оська? — внезапно я осознала, что не вижу собаки.

Уж пес-то прибежал бы ко мне давно, он всегда меня встречает у двери.

Оську я нашла год назад прямо на нашей улице. Он был весь грязный, худой до безобразия и волочил заднюю лапу. Никто из соседей понятия не имел, как щенок очутился на улице. Я не то что бы люблю собак, но отношусь к ним спокойно, не боюсь даже питбулей и ротвейлеров. Этот же был непонятно какой — бурый от грязи, и шерсть на боку выдрана.

Свекрови не было дома, иначе она бы и в дверь меня не впустила. А когда вечером она явилась и увидела на кухне это чудо, которое я успела все-таки выкупать и вычесать, то начала орать. Голос у нее такой звучный, что все соседи слышат, — говорила я уже, что дома у нас стоят вплотную друг к другу.

Сосед Викентий называет мою свекровь Иерихонской трубой. Неудобно спросить, что это значит, но, наверное, эта самая труба была очень громкой.

В тот раз свекровь орала, что не позволит держать в доме беспородную блохастую шавку, что мне дай волю, так я весь дом забью кошками, хомяками и попугаями, жить будет негде.

Это она вспоминает, как мы взяли на передержку кошку моей подружки Элки. Элке срочно нужно было слетать к матери, а кошку никто не брал. И то сказать, кошка оказалась ужасной заразой, раздражала за неделю нам полдивана и нарочно линяла на все свекровские плюшевые халаты. С другой стороны, к этому материалу шерсть очень пристает, вот на джинсах моих она же не оседает... Свекровь тогда ругалась еще месяц после того, как кошку забрали.

Сама не знаю, отчего я проявила тогда с Оськой несвойственную мне твердость. Я осмелилась повысить голос на свекровь и сказала, что дом такой же мой, как и ее, и что я имею право голоса. Она поначалу удивилась и апеллировала к сыну. Он что-то мямлил, как обычно, не хотел портить отношения ни с ней, ни со мной, но тут на шум явился сосед Викентий и спас положение.

Викентий — юрист и знает законы. Поэтому он тут же объяснил свекрови, что дом наполовину мой, так и в договоре сказано.

Когда мы его покупали, то я внесла деньги от продажи своей двухкомнатной квартиры, а свекровь с мужем доложили остальное. Получилась примерно половина.

Дальше Викентий осмотрел найденыша и сказал, что вовсе он не беспородный, а это такая порода, называется бельгийская овчарка. При этом он мне подмигнул, из чего я сделала вывод, что он просто придумал это для свекрови. Еще он сказал, что в конце улицы воры обнесли два дома, а в третий не сумели попасть, потому что помешала собака.

Так или иначе, свекровь согласилась не выгонять щенка на улицу.

Каково же было мое удивление, когда в ветклинике мне сказали, что щенок и правда породистый, именно эта самая бельгийская овчарка. Они определили примерно, что собаке месяцев семь, и выдали мне разрезанный ошейник, на котором было выгравировано имя «Освальд». Чипа не было.

Дальше ему сделали все нужные прививки и дали лекарство от глистов, а в лапу попала заноза и загноилась, так что еще и антибиотики пришлось колоть.

Провозилась я с Оськой — как стала его называть — несколько месяцев, после чего он очень окреп, вырос и правда стал похож на бельгийскую овчарку. И даже свекровь перестала шипеть и плевать ядом, хоть Оська ее и сторонился.

Мы с ним этот год были неразлейвода, так что сейчас я удивилась, что он меня не встречает. И сильно забеспокоилась.

— Где Оська? — подступила я к свекрови. — Куда вы его дели?

Если вы думаете, что она испугалась или хотя бы отвела глаза, то вы не знаете этой женщины. О, моя свекровь не из тех, кто стесняется своих поступков и дел! Она не будет юлить и переваливать вину на других, она прямо выскажет все, что думает.

— Не ори! — Она снова была спокойна. — Не ори и не блажи!

— Где Оська? — заорала я в полный голос. — Куда ты дела мою собаку? Отравила? Усыпила?

Очень мне не понравилось выражение ее глаз. Ведь она же обещала мне, когда я ехала на встречу с мужем, клятвенно обещала, что с собакой ничего не случится! А я-то, дура, нашла кому верить!

Я даже не осознала, что трясу свекровь за плечи и едва не отрываю рукава у отвратительного плюшевого халата.

— Да отстань ты! — Она вырвалась и больно ткнула меня в грудь. — Я твою уличную шавку выгнала, тут такие дела творятся, а я буду о собаке думать!

— Врешь! Ты всегда его ненавидела! И меня нарочно отослала, чтобы его известить!

— Ага... — Внезапно она понизила голос и даже сменила тон. — Мне главное теперь — это сына спасти...

И замолчала, не добавив, что ей плевать на меня и мою собаку. А просто так она ничего не делает и не говорит, уж я-то знаю. У нее явно есть какой-то подлый план.

Через минуту я поняла, что так оно и есть, потому что услышала шум машины. Лицо у свекрови изменилось, теперь на нем проступило злорадное удовлетворение.

— Вот и они, — сказала она, — за тобой приехали.

— Что? Это вы их вызвали? — Я отшатнулась. — Но зачем?

— Затем, чтобы они тебя допросили насчет того, куда их деньги делись!

— Вы что, рехнулись? — оторопела я. — Я же про деньги понятия не имею!

— А это неважно... — усмехнулась она, — пока они тебя допрашивать будут, время и пройдет, Михаил подальше уедет...

Тут я услышала звонок, а потом стук в дверь.

— Открывайте, хозяева! — крикнул грубый мужской голос.

Я, естественно, молчала, онемев от такой подлости свекрови. Ведь ей же прекрасно известно, что это за люди и что живой они меня не выпустят, хоть ничего и не узнают. Да я бы и рада сказать, но понятия не имею, куда делись те проклятые деньги, в глаза их не видела!

— Заснули там, что ли? — В дверь теперь колотили со всей силы.

— Иду, иду! — крикнула свекровь не своим, а каким-то певучим голосом. Наверное, так пели бы черти, раскаляя сковородку. От этого голоса я очнулась и поняла, что надо бежать.

— Куда-а? — закричала свекровь, хватая меня за руку. — Куда это ты собралась? От них не убежишь...

— Пустите... — пропыхтела я, — пустите...

— Да счас! — она схватила меня за плечи и больно сжала, так что ее ногти впились в кожу. Ногти у свекрови длинные и желтые, как собачьи когти, она может ими бутылку открыть, я уж не говорю про канцелярские кнопки.

Я бешено завертелась, пытаюсь вырваться, но не тут-то было. А в дверь уже колотили ногами. Я пыталась нашарить позади себя что-то тяжелое, но ничего не попадалось под руку. Свекровь перехватила меня поудобнее, совсем близко я увидела ее

глаза, сверкающие злобой, и, не помня себя, вцепилась зубами ей в руку.

Зубы у меня хорошие, я их жалеть не стала, хотя свекровь везде как монолит. Что руки, что ноги, что голова у этой женщины сделаны из одного очень прочного материала.

Сначала я почувствовала отвратительный вкус пыльной плюшевой ткани, но сжала зубы изо всей силы, и вот уже ткань треснула, и свекровь заорала — видно, я дошла до нее самой. И если вы думаете, что я бросила это дело, то глубоко ошибаетесь. Я сжимала и сжимала зубы, как бульдог, пока не почувствовала во рту вкус крови. И тогда свекровь меня отпустила, а я пробежала холл, заскочила в нашу с мужем спальню и захлопнула за собой дверь.

— Куда? — Это свекровь рванула дверь, едва не схватив меня за куртку, откуда только прыть взялась. — Открой дверь!

— Ага, сейчас! — Я заклинила ручку двери стулом. — Разбежалась!

— Все равно они тебя достанут, дверь только жалко!

Ну дает! Дверь ей жалко, а невестку не жалко! Ну, ясное дело, чего меня жалеть, я ей никто и звать никак. Но я сдаваться не собираюсь, не доставлю свекрови такое удовольствие.

Ступая на цыпочках, я подошла к окну. Дом у нас двухэтажный, на втором этаже две спальни и ванная. Внизу кухня и холл, из которого выходят две комнаты — кабинет мужа и наша общая спальня.

Свекровь спит на втором этаже, а мы на первом, потому что, как я уже говорила, слышимость в на-

ших домах хорошая, соседям и то все слышно, а тут каждую ночь свекровь за стенкой.

Я тогда сразу поставила перед мужем вопрос ребром, и в кои-то веки он со мной согласился. Так что свекровь одна на втором этаже, а во второй комнате мы планировали сделать детскую.

Действительно, это я вроде бы планировала — не сейчас, потом. Но похоже, что планы мои никогда не осуществляются. Ну и ладно, сейчас не об этом нужно думать.

На окна мы все же поставили решетки, это было еще до того, как в доме появился Оська. Хотя я ночью все равно его во двор не выпускала, несмотря на требования свекрови. Раз уж завела собаку, ворчала она, то она должна дом охранять, ночью по двору бегать, жить в будке. Ага, в будке, может, еще на цепь посадить?

Помню, тогда еле удержалась, чтобы не сказать, что хорошо бы свекровь на цепь посадить. Представила воочию, как она из будки выглядывает во дворе, и рассмеялась.

Сейчас я очень тихо растворила окно и потрясла решетку. Дело в том, что парочка винтов, крепящих решетку, держались плохо, один вообще вывалился. Просила я мужа, чтобы он укрепил, да он все собирался. Он вообще-то у меня с лентой: чтобы заставить его что-то сделать, нужно раз пять напомнить. При том что свекровь всегда рядом, а при ней, сами понимаете, я не могла никаких мер принимать, даже голос на него повесить нельзя было.

Сейчас я осторожно выкрутила винт, потрясла решетку — и два винта выскочили сами: теперь ре-

шетку можно было сдвинуть в сторону. Отверстие небольшое, но я девушка стройная, пролезу.

Я сняла куртку и выбросила ее за окно, потом туда же отправила сумку, которая так и болталась у меня на плече. С той стороны дома доносились крики и грохот. Дверь у нас железная, так просто ее не сломать. Потом послышался голос свекрови, которая открыла им дверь.

Вот она заорала — ага, видно, стгоряча кто-то ее стукнул.

— Вам не я нужна! — орала свекровь. — Это она, там она, в комнате!

От злости я нырнула в окно рыбкой, как в воду, удачно приземлилась на четвереньки прямо в клумбу с поздними астрами. Вот не зря культивировала эту клумбу — земля мягкая пригодилась!

Как я уже говорила, парадный, так сказать, вход нашего дома выходит на улицу, а сзади у каждого дома небольшой садик, отгороженный от соседей деревянным забором. У меня в садике есть клумба и кусты, еще летом выставляем столик и стулья, чтобы пить кофе по выходным. Такое, правда, бывает редко.

Сейчас осень, стол убран в сарай, возле забора куча опавших листьев, которые я планировала убрать в выходной, но, разумеется, из-за всех этих событий ничего не сделала. Не вставая на ноги, я прислушалась. Теперь колотили в дверь нашей спальни. Задвижку, я так понимаю, они уже выбили, но стул держался крепко.

Так, пора уходить. Ползком я пересекла дворик, там, в углу забора, был ход на соседний участок.

Ход этот прорыл Оська, делал он это неоднократно, сосед Викентий его за это поругивал, но сейчас он уже неделю как в отпуске, так что Оська спокойно гулял по его участку, а мне было недосуг зарыть ход обратно.

Оська — собака крупная: где он пролез, там и я пролезу. Было слышно, как дверь трещит: еще немного — и слетит с петель. Я быстро проползла под забором, втянула за собой сумку и куртку и только хотела выпрямиться, как на меня налетел кто-то, скуля и облизывая.

— Оська! — едва не вскрикнула я в полный голос. — Ты не пропал? Слава богу!

Оська рыкнул негромко что-то неодобрительное: мол, ты за кого меня принимаешь? Ясное дело, я тебя тут ждал, куда я без тебя-то побегу?..

— Осенька, — я почувствовала, как по щекам побежали слезы, — дорогой мой...

Но не время было расслабляться — эти меня тут быстро найдут. Поэтому я надела куртку, взяла Оську за ошейник и подошла к калитке. Дом Викентия смотрел темными глазницами окон, оттуда я ничего плохого не ждала. Из-за забора были слышны неясные крики: очевидно, те люди, которые пришли за мной, все еще сражались с дверью в нашу с мужем спальню.

«Бывшую...» — тут же поправилась я, хотя думать о будущем сейчас не совсем уместно.

Калитка у Викентия закрывается изнутри на большой засов, так что я открыла ее без труда и выглянула на улицу. Вроде бы никого, можно идти.

Я шагнула вперед, и вдруг чья-то рука схватила меня сзади.

— Куда это ты? — прохрипел непонятно чей голос.

Не глядя, я тут же залепила в сторону голоса сумкой и вроде бы попала, потому что хватка ослабла.

Да, это явно не свекровь, ту так просто не возьмешь. Я вырвалась и повернулась. И увидела перед собой того самого мужика в грязной куртке, которого заметила на вокзале. Вот, значит, кто это такой, поняла я, не случайно он там болтался.

— Стоять! — крикнул мужик, видя, что я изговилась бежать. — Стой, не то пристрелю!

И точно, в руках у него появился пистолет. Или что там еще... я со страху не разглядела.

— Очень медленно повернулась, — заговорил этот тип, — и пошла. Сумку бросила в мою сторону.

Но не успела я и руку поднять, как что-то огромное и темное пролетело мимо меня и бросилось на мужика — он не сумел не то что выстрелить, а даже понять, что это такое было.

Оська с размаху налетел на злодея, который угрожал его любимой хозяйке, и опрокинул его на спину. Голова мужика стукнулась об асфальт так громко — я даже подумала, что она раскололась.

Пистолет отлетел в сторону. Оська приготовился вцепиться ему в горло.

— Не смей, — тихо приказала я, — он и так уже...

Оська посмотрел на меня укоризненно, но слез с мужика. Тот лежал, закатив глаза к небу, потом едва заметно пошевелился и негромко, мучительно застонал. У меня отлегло от сердца — не хватало еще, чтобы он до смерти расшибся.

Не то чтобы мне было его жалко, но ведь тогда к делу непременно подключится полиция, а такое вовсе не входило в мои планы. Эти люди, что охотятся за мной, с полицией быстро договорятся, и я же буду крайней.

Я отбросила ногой пистолет в канаву, подхватила Оську за ошейник, и мы пустились бежать.

Я знаю все пути-дороги и ходы-выходы в этом городе. Да еще с Оськой мы изучили все тропинки и места для прогулок.

Поэтому мы тут же свернули в проулок между домом Федосеевых — у них собака маламут, эти собаки никогда не лают, — проскочили до пустыря и пошли по собачьей тропе.

А там уж вышли на параллельную улицу, прошли немного, затем свернули в переулок мимо долгостроя, пролезли через дырку в заборе и вышли к дому, в котором когда-то жили мы с мамой.

В той самой двухкомнатной квартире, которую я продала, чтобы купить дом. Предполагалось, что семейный. И вот зачем я это сделала, до сих пор не могу понять.

И задавала себе этот вопрос неоднократно за последний год, что жили мы вместе. Но ответа от самой себя так и не получила.

Я присела на скамеечку возле дома, чтобы перевести дух и подумать, что же теперь делать.

Спрятаться в этом городе я не могу, эти меня везде найдут.

Кстати, и сидеть-то здесь долго тоже нельзя, свекровь прекрасно знает этот адрес, уж она этих бандитов точно сюда прежде всего направит. У подружки Элки тоже не пересидишь — из-за Оськи, у нее же кошка, да и вообще, про нее свекровь может знать, потому что муж видел нас пару раз вместе, а он своей мамочке все рассказывает. Стало быть, нужно бежать из города. Куда — вот вопрос, да все равно куда. Оська со мной, и деньги пока есть, так что не пропадем.

Я потрогала потайные карманы в куртке, куда положила деньги. С ними мне повезло, что уж говорить. Только ехать нужно не на поезде, поскольку на вокзале меня будут караулить, а на автобусе. Далековато до автобусного вокзала, но мы с Оськой добежим.

И только было собралась я в дорогу, как сзади послышался знакомый голос:

— Никак Лизка? Ты чего тут делаешь-то?

— Дядя Гриша! — Я едва не полезла обниматься.

Сколько себя помню, всегда дядя Гриша жил в нашем доме на первом этаже. Раньше у него жена была, потом она умерла, и он завел собаку. Назвал Лолитой в честь известной певицы, говорил, что собака на нее похожа, только не поет.

Маму дядя Гриша помнит, в последние недели помогал мне ее вниз по лестнице спустить, чтобы на лавочке посидеть. В последний раз виделись мы с ним почти два года назад, когда я продавала квар-

тиру, еще телевизор ему наш отдала, муж сказал, что в новый дом все новое купим.

— Ты чего тут? — повторил дядя Гриша. — Со-скупчилась?

— И это тоже, — рассмеялась я, — а вообще-то... — я показала на Оську, — вот он сбежал, еле поймала.

Оська негодуяще рыкнул от такой моей лжи. Надо сказать, что никогда он от меня не убежал, на прогулке всегда старается держаться неподалеку, не упускает меня из виду. Один раз я спряталась за дерево, так он в такую панику впал... Но это давно было, вскоре после того, как я его нашла.

Сейчас я незаметно сжала ему челюсти — это у нас такой тайный знак, обозначает, что он должен вести себя тихо-тихо.

— Твой? — восхитился дядя Гриша. — Ну надо же, какой красавец!

Он протянул руку и потрепал пса за уши. Обычно Оська позволяет такое только мне, но тут смолчал и даже повернул голову, чтобы дяде Грише было удобнее.

— А у меня Лолиточка-то умерла... — вздохнул дядя Гриша.

— Да что вы?

— Ага, прошлой зимой, аккурат к Новому году. Уж так я по ней скучаю... Новую собаку советуют завести, а я не могу.

— Жалко ее...

— Да уж. Но, Лизавета, ты что, так и будешь тут сидеть? Ведь ночь на дворе! Пойдем ко мне, чаю поьем...

— Да нет, мне домой надо. Муж будет волноваться, — неизвестно зачем ляпнула я.

— Да? — Дядя Гриша смотрел недоверчиво.

«Если бы за тебя муж и правда волновался, — говорил его взгляд, — то не пустил бы одну за собакой поздно вечером бегать. Сам бы пошел или уж вместе...»

— Дядя Гриша, а у вас поводка не осталось от Лолиты? — быстро спросила я, чтобы он не стал развивать тему про мужа. — А то Оська опять удерет.

— А как же! — Он обрадовался, что может помочь, и через некоторое время вынес поводок и намордник, а также немного сухого собачьего корма в пакете. Оська до того обрадовался корму, что позволил надеть на себя намордник. И мы отправились на автобусный вокзал.

Там нам не повезло: автобус в соседний город только что ушел, я видела его огни. И следующий будет только рано утром.

— А что вы хотите? — Кассирша пожала плечами. — Ведь ночь на дворе! — И закрыла окошко.

Я приуныла: сидеть на вокзале до утра вовсе не входило в мои планы. Во-первых, ночью сюда стекаются все бомжи. Во-вторых, полиция сюда тоже захаживает, а мы с Оськой все же от бомжей отличаемся, так что менты могут заинтересоваться. Ехать на такси тоже глупо: уж таксист точно запомнит рыжую девушку с собакой.

Я перехватила внимательный взгляд второй кассирши и решила, что пора уходить.

— Такси не надо, красавица? — метнулся ко мне разбитной мужичок с бегающими глазками.

— Отвали! — процедила я, и Оська зарычал не-приветливо.

— Пс-сс... — послышалось из-за угла.

Я взяла Оську на короткий поводок и зашла за угол.

— Тебя куда отвезти? — спросил парень невысокого роста в низко надвинутой на глаза вязаной шапочке.

— А тебе что? — отшатнулась я. — Иди себе своей дорогой.

— Я же видел, как ты на автобус не успела. Могу отвезти на следующую станцию, там в автобус и подсядешь.

— Как ты его догонишь?

— Молча, он на переезде стоять будет долго, а я дорогу срежу.

— С собакой возьмешь?

— Возьму, только деньги вперед. — Он назвал довольно скромную сумму.

— Да, конечно, чтобы ты меня в лесу посадил и бросил!

Договорились, что сейчас только половину, но когда я увидела его развалюху, то с деньгами попрощалась.

— Ты не гляди, у нее мотор от «мерса»! — обиделся парень.

— А чего ты машину в стороне ставишь, шифруешься так?

— Этих боюсь, — он махнул рукой в сторону таксистов, — у них настоящая мафия.

Не знаю, как насчет «мерса», но скорость его машинешка развила порядочную, так что Ось-

ка только повизгивал, он вообще не любит ездить в машине. На заднем сиденье я нашла старый черный берет — очевидно, кто-то забыл. Наконец мы приехали к станции.

— Вон автобус стоит, беги уж, — сказал парень, получив деньги.

Я нахлобучила на голову чужой берет, он был мне безбожно велик, зато волосы удалось убрать полностью. Водитель автобуса закрыл двери и уже тронулся с места, как я закричала на бегу, чтобы подождет.

Двери открылись, и мы с Оськой ввалились в салон.

— Ой, спасибо, только я билеты не успела взять, можно вам заплачу? — выдохнула я.

— А касса все равно закрыта, — сказал водитель, — так что плати.

— До Петербурга едете? — спросил он, терпеливо ожидая, пока я достану из потайного кармана деньги. Это было трудновато, не могла же я вытащить на свет всю пачку.

— Петербург, при чем тут Петербург? — Я таки едва не выронила деньги.

— Автобус дальний, конечная — Петербург, — нахмурился водитель, — чего тогда меня останавливала, если тебе не туда?

— Да нет, мне как раз туда и надо! — нашлась я. — Сколько стоит? И за собаку?

Он назвал цену, я умудрилась на ощупь отсчитать нужную сумму и устроилась на заднем сиденье, там было место для Оськи. Он прижался к моим ногам и тут же заснул. И вы не поверите, но я тоже.

Проснулась я, когда рассвело. Было холодно, потому что куртка расстегнулась, но ноги грел Оська. Я с трудом выплывала из тяжелого сна, воспоминания появлялись сериями. Вот мы с Оськой бежим за автобусом, вот еще раньше я захопываю дверь перед свекровью, вот я жду на вокзале мужа, а он так и не пришел... Стоп! — наконец-то в голове прояснилось. Ведь я же бегу от бандитов, которым сдала меня собственная свекровь, бегу как можно дальше, со мной Оська, паспорт есть и деньги... Осознав, что куртка расстегнута, я едва не застонала в голос. Обокрали! Увели все деньги и документы! Вот что теперь делать?

Дрожащими руками я ощупала потайные карманы. Вроде бы деньги на месте, две пачки. Значит, я сама забыла застегнуть куртку, когда расплачивалась с водителем.

Оська поднял голову и посмотрел на меня укоризненно: что, мол, ты возишься? Чего боишься? Разве бы я допустил, чтобы к тебе кто-то приблизился...

— И то верно. — Я почесала его за ушами, пес повозился немного, устраиваясь поудобнее, и затих, а я уставилась в окно.

За окном автобуса проносились однообразные и унылые осенние пейзажи — рощи в последних обносах пожухлой листвы, пустые прибранные поля, одинокие домики и сараи.

От такого депрессивного зрелища меня неумолимо склонило в сон. Я уже наполовину дремала, погружившись в странное состояние между сном и явью.

И в этом странном состоянии перед моими глазами снова и снова пробегали события последних недель. События, в результате которых я оказалась в этом междугороднем автобусе с единственной дорожной сумкой, а из близких у меня — только здоровенный пес... единственное близкое существо...

Пару месяцев назад все у меня было хорошо. То есть я тогда так считала, отмахиваясь от непрошенных мыслей.

Ну, не сказать чтобы совсем хорошо, но внешне моя жизнь выглядела вполне благополучной: собственный дом, приличный муж, владелец хоть не большой, но собственной риелторской фирмы.

Сам Михаил был в этой фирме директором, его мать — бухгалтером, ну и я — старшим менеджером.

Дела в фирме шли ни шатко ни валко: в нашем городке мало кто продает или покупает недвижимость, а если такое и случается, то обычно обходятся без риелторов.

Тем не менее фирма как-то держалась на плаву. Так что если закрыть глаза на свекровь, которая усиленно портила мне жизнь, то вполне можно было существовать. Муж мой, в отличие от своей мамыши, человек нескандальный, неконфликтный, предпочитает отмалчиваться и, что называется, не брать в голову, так что апеллировать к нему по поводу поведения свекрови я перестала еще в первые месяцы после свадьбы. Все равно толку не будет.

Дни текли один за другим: в будни — фирма, в выходные — работа в саду, прогулки с Оськой, чтобы поменьше бывать дома. Короче, говорила я уже, что научилась не задавать себе вопросов, для чего я все

это затеяла — то есть продажу квартиры, а если смотреть глубже, то вообще замужество. Но, как говорил тот же бывший мой сосед дядя Гриша, снявши голову, по волосам не плачут. Замечу кстати, что он совершенно лысый, с детства его таким помню.

В общем, жизнь моя текла своим чередом, и тут в нашем городке случилось нечто серьезное и неожиданное: к нам пришел настоящий большой бизнес.

Началось все с того, что стало известно, что через наш город пройдет новая трасса федерального значения. И часть этой трассы будет находиться на нашей территории.

И тут же у нас появились важные люди из Петербурга. Это были представители крупной строительной фирмы, которая рассчитывала получить заказ на строительство этого участка дороги. И, соответственно, на государственное финансирование.

Дело запахло деньгами, причем очень большими... Такими огромными, о каких в нашем захолустье никто прежде и не слышал. Такими, от которых у многих, как говорится, поехала крыша.

И тут мой муж, который прежде не отличался прытью и ловкостью, подсуетился, продемонстрировал чудеса предприимчивости и сумел связаться с теми питерскими людьми.

То есть это он сказал, что сумел с ними связаться, а кто там на самом деле проявил инициативу — никому не известно. Есть у меня подозрения, что это они выбрали нашу фирмочку, чтобы использовать ее для своих криминальных дел, быстро со-

образив, что муженек мой умом особым не блещет и никто за ним не стоит. То есть никто его защищать не станет, если что не так обернется.

Так или иначе, к нам в офис стали захаживать представители той питерской фирмы. Первым появился у нас один такой тип, от которого у меня мурашки пошли по коже и дышать стало тяжело.

Вроде бы не такой уж он был страшный.

Средних лет, плотный, широкоплечий, с очень бледным лицом и неестественно светлыми волосами.

На его бледном, как непропеченный блин, лице выделялись глаза — выпуклые, водянистые, похожие на глаза огромной хищной рыбы. Он один раз скользнул по мне взглядом — и я сразу же подумала, что такому убить человека ничего не стоит: он и не заметит.

Я потом сказала мужу, что боюсь этих людей и не стоило бы с ними связываться... но он меня и слушать не стал. Ответил, что нам выпал исторический шанс (да, честное слово, так и сказал), что благодаря этим людям мы можем выйти на совершенно другой уровень, для нас начнется совсем другая жизнь.

Разговор этот происходил в присутствии свекрови, у нас почти все происходит в ее присутствии, потому как мы всегда вместе — и на работе, и дома.

И если дома можно хоть как-то от нее избавиться — в ванной, к примеру, запереться или уж ночью в спальне закрыться, то днем она тут как тут. И слух у нее отменный. Так что тогда муж таким смелым был в ее присутствии.

Свекровь его решение одобрила — подозреваю, что она сама это решение и приняла. Еще меня окоротила в свойственной ей безапелляционной манере: мол, не понимаешь ничего — так и молчи в тряпочку, и вообще твой номер шестнадцатый, ты в фирме никто и звать никак.

И еще много всего в таком же духе.

Так вот и получилось, что наша маленькая фирмочка стала представлять в нашем захолустном городке интересы питерского строительного гиганта.

И вот в чем выразались эти интересы.

Федеральная трасса могла проходить по двум возможным участкам, условно назовем их Восточным и Западным. Восточный участок был более вероятным, и питерская фирма сделала на него ставку. Через нашу фирму они скупили десятка два земельных участков, принадлежавших местным хозяевам, снесли старые дома, подготовив условия для строительства трассы...

В общем, вложили в проект большие деньги. Какие — ни муж, ни свекровь не знали, а я и подавно.

Естественно, они вложили эти деньги только после того, как подстраховались. А именно, заплатили приличную сумму нашему городскому чиновнику, который отвечал за выделение земли под трассу. Его звали Иванцов Алексей Викторович.

Я не то чтобы его знаю, но город у нас маленький, так что я видела его несколько раз в мэрии или в ресторане, когда мы день рождения мужа отмечали.

Заплатили этому господину Иванцову двадцать миллионов рублей.

Спросите, откуда я знаю точную сумму?

А оттуда, что эти деньги чиновнику отвозил мой муж. И он несколько раз, захлебываясь от восторга, повторил, сколько ему выделили на это важное дело. Мол, какими большими делами он ворочает, птицей какого высокого полета он сделался.

А поручили ему это дело по той причине, что он-то с этим Иванцовым был хорошо знаком. Он с ним когда-то учился в одной школе в параллельных классах.

В чем, кстати, нет ничего удивительного — как я говорила, у нас городок маленький, и почти все друг с другом знакомы. И очень многие учились в одной и той же школе.

И вот время шло.

И вдруг, в самый последний момент, когда стройка должна была начаться, выясняется, что этот самый Иванцов принял решение провести наш участок трассы не по Восточному направлению, а по Западному, то есть совершенно не там, где было обещано нашим могущественным питерским компаньонам.

А в это Западное направление втихомолку вложилась крупная московская фирма.

Сказать, что наши питерские партнеры пришли в ярость, — значит ничего не сказать. Они ведь вложили в Восточный вариант большие деньги и большие усилия.

Они отправились к Иванцову для серьезного разговора и задали ему прямой вопрос: ты ведь взял деньги, так будь любезен, сделай то, что обещал!

Но этот тип посмотрел на питерских честным взглядом и проговорил с искренним удивлением:

— Деньги? Какие деньги? Первый раз слышу!

И вот тут пришло время «Ч» для моего мужа.

Если ему поручили передать господину Иванцову деньги, а Иванцов, черт бы его побрал, утверждает, что этих купюр в глаза не видел, выходит, во всем виноват тот, кому было поручено кейс передать, то есть мой муж...

К счастью (если это слово здесь уместно), секретарша Иванцова (которая тоже училась в той же школе) поняла, что дело пахнет керосином, и позвонила Михаилу, сказала, что его ждут большие неприятности. Вот бывают еще на свете хорошие люди!

И Михаил понял, что нам нужно бежать. Иначе... нам будет очень плохо. И мы договорились, что сбежим вместе. Свекровь заявила, что она никуда не денется, что ее не тронут, пусть только попробуют. Не знаю, что она сказала мужу, но я-то ей поверила. Как затмение на меня нашло!

Ну, все остальное вы уже знаете.

Как я ждала его на вокзале и чем это кончилось... И вот никак не могу поверить, что это они вместе такое придумали, все же мы почти три года женаты с Михаилом, никогда я ему никаких гадоостей не делала, так за что же он со мной так?

Осталось добавить еще только один момент. Небольшой, но очень важный.

Перед тем как ехать на вокзал на встречу с мужем, я заехала в банк, чтобы снять деньги. Ведь понятно, что без денег в бега непустишься. К сча-

стью, там работала моя подруга Элла (опять же мы с ней учились в одной школе и даже в одном классе). Она смогла мне быстро и без лишних вопросов выдать наличные. Миллион — не так уж много по нынешним временам, но лучше, чем ничего. Деньги эти были со счета нашей фирмы, свекровь иногда меня посылала в банк, так что право подписи у меня было.

Ни мужу, ни свекрови я про деньги не сказала заранее — мало ли не получится, так потом еще и тетехой неумелой обзовут. Мужа я не дождалась, а свекрови сказать про деньги не успела.

Так что сейчас у меня по внутренним карманам было рассовано несколько пачек крупных купюр, которые грели мне душу. Я, как Колобок в сказке, смогла уйти и от свекрови, и от бандитов, и еду теперь далеко. И, возможно, это судьба, что автобус идет в Петербург, уж там-то люди из фирмы меня искать точно не станут. Кроме того, в большом городе легко затеряться...

Я приободрилась и хотела снова заснуть, но не получилось.

— К родным, значит, едешь? — раздался рядом со мной незнакомый голос.

— Что? — переспросила я удивленно, вырываясь из своего полусна.

— В Питер едешь к родным? — повторила женщина, сидевшая на месте через проход. Была она немолода, но по виду бодрая, одета в новую куртку, из чего я сделала вывод, что тетя просто хочет поговорить. Скучно ей стало в дороге, она заметила, что я проснулась, вот и вяжется с разговорами.

Остальные пассажиры спали, один парень слушал что-то в наушниках, девушка смотрела в айфон. В общем, ничего такого, что вызвало бы у меня опасения. И Оська молчал.

— Да нет... — ответила я уклончиво. — Там у меня никого нет. Так, дела всякие...

— А есть у тебя где остановиться? — не отставала тетка.

— Ну, не знаю... найду какую-нибудь гостиницу...

И тут же я поняла, что говорю ерунду. Что останавливаться в гостинице мне никак нельзя — ведь там мне придется предъявить паспорт, а это значит, что при желании питерская фирма, которая идет по моим следам, найдет меня в два счета... Вдруг кому-то втемяшится в голову проверить на всякий случай близлежащие города? И если там меня не найдут, то и до Питера доберутся, уж не так он далеко, ночь всего на автобусе ехать...

— Гостиницу... — хмыкнула тетка. — Ты цен питерских, что ли, не знаешь? К тому же с собакой-то кто тебя пустит?

— Это верно, — вздохнула я. — Про собаку я как-то не подумала...

И тут же себя отругала мысленно. Тетка слишком любопытная, вон как шныряет взглядом, Наверняка запомнит и меня, и собаку. Тем более я вызываю подозрение своей неуверенностью.

Оська почувствовал мое настроение и улегся вольготно головой в проход, да еще зевнул во всю пасть, так что тетка опасливо отодвинулась. Но все же посоветовала издалека искать квартиру или

комнату в частном секторе. Совсем недалеко от вокзала, минут десять пройти — и увидишь.

Я поблагодарила тетю и сделала вид, что ужасно хочу спать. Намек она поняла и с разговорами больше не лезла.

Ему снилось, что он бежит по вянущей траве среди прибрежных тростников. Бежит — как зверь, на четырех ногах... лапах.

Иногда сквозь тростники проглядывал багровый лик владычицы, придавая ему новые силы, обостряя все его чувства.

Ему снилось, что он — огромный зверь, хищник, бегущий по горячему следу, чтобы настигнуть жертву, повалить ее на траву и впиться зубами в пульсирующее горло...

Он проснулся мгновенно, как будто его кто-то окликнул.

Сна не было ни в одном глазу...

Да и какой тут сон, если в окно заглядывал страшный, огромный, багровый глаз богини. Свет этого взгляда наполнял комнату, как густая, пульсирующая, живая влага... как драгоценное вино наполняет хрустальную чашу...

Да зачем прикидываться, зачем искать фальшивые, приблизительные слова?

Свет этого взгляда наполнял комнату, как кровь.

Как свежая, теплая кровь, хлещущая из перегрызенного горла...

Он схватился за голову.

О боги! О боги! Опять на него накатило это кровавое безумие! Опять, как тогда...

Опять все повторяется...

Все дело в этом взгляде, во взгляде богини.

Он не может, не может ему противостоять...

Не может — или не хочет?

Да какая, в сущности, разница?

Ведь это она, его богиня, его владычица, дает ему силы, чтобы жить... Ведь только она придает смысл и значение его пустой, никчемной, бесцветной жизни.

Что делать?

В первую очередь нужно покинуть дом, выйти туда, где между ним и богиней не будет никаких преград, где он сможет подставить не только лицо, но всего себя этому пылающему, дарующему жизнь и силу магическому взгляду...

Он не заметил, как оказался на улице.

В свете багровой луны трава под ногами приобрела волшебный пурпурный оттенок, она ожила и шевелилась у него под ногами, как проросшие зубы дракона в древней легенде.

Но самое главное — он запрокинул голову, раскинул руки и всей своей кожей, всем своим существом впитывал животворный, могущественный свет богини...

Он почувствовал, что с ним начинает происходить Метаморфоза.

Все тело заболело, как у наркомана, лишенного дозы.

У него началась ломка, как у того же наркомана.

Только, в отличие от наркомана, ему нужен был не белый разбодяженный порошок — ему нужно было преобразиться. Нужно было стать другим,

высшим существом. Тем, кем сделает его пылающий свет богини...

Все живые существа под Луной делятся в конечном счете на два огромных сообщества, на два царства — на Хищников и Жертв, на Охотников и Добычу.

Среди людей подавляющее большинство относится к Добыче.

Всю свою жизнь они пасутся, поедая траву у себя под ногами, и в конце концов умирают, чтобы удобрить своими жалкими телами скудную почву, чтобы на ней выросла новая трава.

И только некоторые, такие как он, рождены быть Преследователями, Охотниками, Хищниками.

Смысл и назначение их жизни — погоня, охота, убийство.

Поскольку большинство людей — Жертвы, они придумали законы, направленные против Хищников.

Но эти законы бессильны и ничтожны, их ничего не стоит обойти, перехитрить...

Он вздрогнул.

Опять его обуяли эти мысли — опасные, убийственные мысли, оправдывающие его страсть, его болезнь...

Да нет, это никакая не болезнь — это смысл, стержень его существования!

Он снова вздрогнул — и забился в мучительной судороге надвигающейся Метаморфозы.

Мышцы его напряглись, отвердели, стали тугими, как корабельные канаты. Пальцы скрючились, вместо бесполезных плоских ногтей на них

выросли острые и длинные когти. Когти, предназначенные для того, чтобы рвать чужую плоть. Обоняние обострилось — теперь он чувствовал сотни, тысячи запахов, струящихся в ночном воздухе, смешивающихся в нем, как смешиваются реки и ручьи в море.

Но он мог найти среди этих запахов тот единственный, который ему нужен, — запах жертвы, запах добычи...

Он привычно взглянул на свои руки — и увидел, что на коже проступают желто-черные полосы. Тигриные полосы.

Пока они еще неясны, бледны, как выцветшая татуировка, но с каждой минутой они становятся все отчетливее.

Ноги подогнулись в коленях, он опустился на четвереньки и почувствовал, что так гораздо удобнее бежать, гораздо удобнее преследовать ускользающую добычу...

Он коснулся носом травы и почувствовал, что здесь совсем недавно проходила подходящая жертва...

Он побежал по следу: теперь им владела единственная цель, задача — догнать, свалить, загрызть...

Спиной и затылком он чувствовал свет богини.

Холодный, требовательный свет.

В какой-то момент в его душе шевельнулась мысль, что все это неправильно, что так не должно быть... что снова, как тогда, прошлый раз, это закончится плохо, очень плохо, что он будет страдать, мучиться страшным, кровавым похмельем.

Кровавым похмельем, за которым неизбежно последует новая охота, новая погоня.

Но что делать?

Это его судьба... это его служение богине...

К счастью, такие Метаморфозы случаются с ним нечасто — только в те дни, точнее, в те ночи, когда богиня достигает пика своего могущества, а это бывает редко. Тогда с ее зовом невозможно бороться. И есть только один способ вырваться из этого порочного, этого кровавого круга — завладеть Глазом богини...

Если этот глаз, этот священный камень станет его собственностью — пропадет необходимость в охоте...

Он пригнулся еще ниже к траве — и пустился в погоню.

Запах жертвы становился все сильнее, все отчетливее... теперь он различал, что впереди — не одно, а два существа. Два жалких двуногих создания, самой судьбой предназначенных для того, чтобы утолить его бесконечную жажду.

Его сердце переполнила радость.

Настигнуть сразу две жертвы — это именно то, чего он хотел! Их взаимная тяга даст ему гораздо большее наслаждение, а значит — гораздо большую силу...

Он побежал еще быстрее, еще ниже пригибаясь к земле, стараясь не потерять след.

— Посмотри, какая луна, — проговорила женщина, покосившись на багровый диск.

— Ну, луна и луна, — ответил мужчина. — Толку-то.

— Ну и долго мы будем так?

— Как так?

— Ты прекрасно знаешь как. Нужно в конце концов определиться. Давай уже наконец съедемся... снимем квартиру, будем жить вдвоем, как нормальные люди. А то надоело уже возвращаться по ночам. Сколько можно?

— Ты прекрасно знаешь, что моя хозяйка поставила условие: никаких женщин! Иначе стонит меня с квартиры, а где я еще такую удобную найду, чтобы на работу прямая маршрутка ходила?

— Тебе только маршрутка и важна... — В голосе женщины зазвенели слезы.

— Не знаю, чем ты недовольна. Я же тебя провожаю! Чего тебе еще надо?

— Провожаешь, да. И на том спасибо. Хотя я и сама могла бы дойти, я тут всю шпану знаю.

— Всю шпану? Хорошенькие у тебя знакомства!

— Да я совсем не в том смысле...

— В том или не в том — это неизвестно! Но если тебе не нравится, что я тебя провожаю, иди дальше одна!

— Постой, там кто-то есть! — Женщина испуганно схватила спутника за руку.

— Ну вот, теперь не отпускаешь...

— Да послушай же, там и правда кто-то есть!

— У страха глаза велики! Кто тут может быть?

Ночь глубокая на дворе!

— Нет, ну правда же...

— Правда, правда! Просто собака... кому еще здесь быть? Волки тут не водятся...

— Не знаю, но мне страшно...

— Да ладно, я же с тобой... что ты, правда... да брось ты, ничего страшного...

И тут из темноты вылетело длинное гибкое тело, покрытое тусклыми черно-желтыми полосами.

Автобус въехал в город Петербург утром, словоохотливая тетя вышла раньше, в пригороде. Полицейский посмотрел на Оську и нахмурился было, потом увидел, что пес в наморднике и отвернулся.

— Веди себя тихо, — шепнула я, — а то документы проверят, а это нам ни к чему.

Вы не поверите, но Оська все понял.

И правда, совсем недалеко от автовокзала, на набережной канала, я нашла окруженный пожухлыми кустами асфальтовый пяточок, на котором толпились озабоченные, потертые личности — те, кто хотел сдать или снять жилье, не пользуясь известными интернет-ресурсами.

Над этим пяточком раздавался неумолчный гул десятков голосов.

Мы с Осей подошли к этой толпе. При виде моего спутника толпа раздалась и откатилась, как море в отлив. Говорила уже, что Оська оказался породистым псом, а бельгийская овчарка, тем более очень крупная, может произвести впечатление на неподготовленных людей.

Так... проблемы у нас действительно будут.

Я строго сказала Осе «рядом!» и взяла поводок совсем коротко, рядом с ошейником.

Он семенил рядом со мной, преданно заглядывая в глаза.

И все равно почти все от меня шарахались. Я даже не успевала заикнуться о сдаче жилья.

Я перехватила взгляд крупного бородатого дядьки — он смотрел на Осю не с испугом, а с интересом.

— Не сдадите нам комнату? — спросила без большой надежды на успех.

— С ним?

— Ну да... куда же мне его — не на улицу же выгонять!

— Само собой... такого красавца...

— Ну так что, сдадите? — В моей душе шевельнулась робкая надежда.

— Да я бы сдал... — протянул дядька со вздохом. — Я-то сдал бы, да Марья Никитична собак не уважает.

— Марья Никитична? А кто это?

— Супружница моя. У нее, понимаешь, кот. Котьяра такой... — Он развел руками, показав, какого размера. — Вот представь, как начнут они с твоим отношения выяснять... Нет, никак не могу. — И он отошел.

И тут же рядом со мной возникла вертлявая тетенька лет шестидесяти, в яркой китайской куртке и красной шапке с козырьком и меховыми наушниками.

— Тебе комната нужна, доча? — спросила она сочувственным и в то же время искательным тоном.

— Комната, но вот только с ним, — я показала на Осю.

— С собачкой, значит... — Тетка сделала вид, что только сейчас заметила моего красавца.

— Ну да, с собачкой. — Я сжала Оське челюсти, чтобы не вздумал рычать.

— Это тебе, значит, непременно за городом нужно. В городе с такой собачкой не возьмут.

— За городом? — переспросила я. — А что, можно и за городом. Если не очень далеко.

— Близко, близко! — тетка закивала. — Совсем близко! Считай, прямо в городе!

— Так что, это вы сдаете? И возьмете меня с ним? — В моей душе снова затеплилась надежда.

— Я-то не сдаю. — Тетка жалостно поджала губы. — Сосед мой сдает... он тебе непременно сдаст.

— Сосед? Так скажите адрес! — Я переглянулась с Осей. Кажется, сегодня у нас все же будет крыша над головой.

— Больно ты шустрая! — Тетка подозрительно стрельнула глазами. — Ты мне заплатишь за наводку? Я вроде как этим... риелтором подработаю. А что? Даром сейчас ничего не делается. В общем, плати — и дам тебе его адрес!

Я потянулась было за кошельком, но Ося предупреждающе рыкнул, и я опомнилась.

Не помню, говорила ли я, что Оська очень хорошо разбирается в людях. По крайней мере, куда лучше меня.

— Э, тетя, так дело не пойдет. Вы мне дадите какой-то адрес, а там, может, вообще никого нет. Или есть, но не сдаст с собакой. Я согласна заплатить, но только после того, как мне сдадут жилье.

— Надо же, какая недоверчивая! — Тетка усмехнулась, мол, не прошло, и ладно. — Ладно, поедем, я тебя отвезу прямо на самое место, но только смотри, доча, не обмани пожилого человека! А то сейчас мошенников развелось...

Мы еще немного поговорили о падении нравов и поехали на маршрутке. Водитель зыркнул было на Оську, но потом махнул рукой, только велел платить как за человека. По дороге я выяснила, что новую знакомую зовут тетя Таня.

Ехали мы весело, водитель включил музыку, а Оська художественно подвывал. Забыла сказать, что он у меня очень музыкальный пес. Пассажиры маршрутки от души веселились.

Правда, ехать пришлось не слишком долго, чуть больше получаса.

Если я думала, что хоть мельком увижу классические петербургские красоты, то я ошиблась. Сначала автобус проезжал мимо мрачных заводских корпусов, потом мимо каких-то ангаров и складских строений. Наконец и они закончились, и вокруг потянулись загородные дома и простые дачки.

Наконец мы вышли.

Оська явно оживился — здесь пахло природой, лесом, из-за заборов доносился собачий лай. Можно обнюхивать столбы и деревья и лапу поднять наконец. А то сначала в автобусе ехали, потом по городу тащились...

Тетя Таня повела нас по извилистой грязноватой улице мимо голубых и зеленых деревянных домиков с застекленными верандами. Часть

из них определенно пустовала, над некоторыми курился дымок, показывая прохожим, что здесь кто-то живет.

Наконец наша провожатая подошла к очередному зеленому домику, остановилась возле калитки и громко крикнула:

— Петрович! Эй, Петрович!

Некоторое время ничего не происходило.

Тетя Таня повторила свой призыв еще дважды, и наконец дверь домика со скрипом открылась и на пороге появился мрачный толстый дядька в спортивных штанах, ватнике и галошах.

При виде этого дядьки Ося зарычал, и шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

У меня в душе сразу зародилось нехорошее предчувствие — говорила уже, что моя собака хорошо разбирается в людях и плохих людей сразу чувствует.

— Чего кричишь? — строго спросил дядька нашу провожатую. — Чего воздух сотрясаешь?

— Здорово, Петрович! — приветствовала его наша провожатая. — А с тебя причитается.

— С какого это перепугу?

— С такого, что я тебе жиличку привела.

— Где? — осведомился дядька, демонстративно не замечая меня. Точнее, нас с Оськой.

— Так вот же она, жиличка! — Тетя Таня кивнула на меня. — Ты же говорил, что хочешь комнату сдать, которая у тебя под лестницей. Вот она бы ее и сняла...

— Что я говорил — то тебя совершенно не касается! — отчеканил дядька. — А насчет этой — я еще

не сдурел, чтобы с таким зверем сдавать! Ты на него только посмотри!

Оська действительно рычал и скалился. Это мой добродушный, ласковый песик! Ну, конечно, это он ко мне ласковый, а с другими может и строгость проявить...

— Да, может, все-таки сдашь... — продолжала канючить тетя Таня. — Она тебе прилично заплатит...

— Я сказал — нет! — И Петрович удалился, напоследок громко хлопнув дверью.

Оська, кстати, сразу же успокоился.

Тетя Таня проводила его разочарованным взглядом и виновато проговорила:

— Ну вот что с него возьмешь? Такой он человек, как что себе надумает, так никакими силами его не сдвинешь!

И она уже собралась уходить.

— И что же мне теперь делать? — растерялась я. — Вы меня завезли неизвестно куда и так здесь бросите?

— Никуда я тебя не завозила! — огрызнулась тетка. — Я что, виновата, если у тебя такая собака страшная? С такой зверюгой само собой никто не сдаст! Нечего и думать!

Оська зарычал. Ну да, кому, интересно, понравится, если о нем так будут говорить?

— Вон он, какой злющий! — прошипела тетка. — Я к нему со всей душой, а он мне такое...

— Но вы же мне обещали... — начала я, но в это время на сцене появился новый персонаж.

Это был большой черный кот. Он шел посреди дороги с видом хозяина всех здешних мест и де-